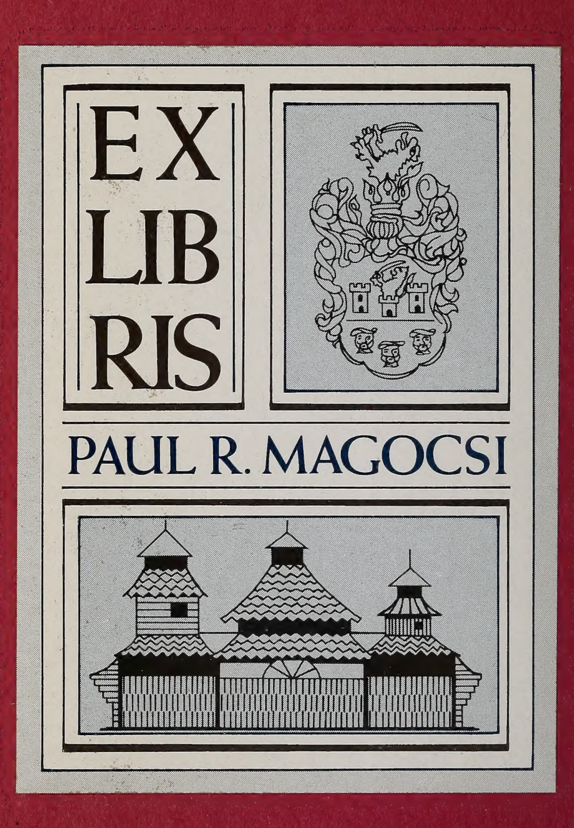
ПУТНИКЪ
[В. ФРАНЦЕВЪ]

Современное состоянiе Угорской Руси

EX
LIB
RIS
PAUL R. MAGOCSI

Современное состоянiе Угорской Руси.

За Карпатскими горами, въ сѣверо-восточномъ углу Угорской (Венгерской) половины Австрiйской монархiи, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Русью Галицкой и Буковиной, искони обитаетъ полумилiонный русскiй народъ, отрѣзанный отъ мiра и невѣдомый ему вслѣдствiе того тяжелаго гнета который заставилъ его умолкнуть и погрузиться въ то состоянiе полнѣйшаго равнодушiя къ своей судьбѣ, при которомъ нѣтъ и помышленiй о какомъ-либо протестѣ противъ угнетателя. Отрѣзанный отъ ближайшаго общенiя со славянскими своими сосѣдями-братьями на сѣверѣ высокими Карпатами, политическою границей съ Галичиной, на югѣ обширною равниной заселенною мадьярскимъ племенемъ угро-русскiй народъ только на западѣ и на востокѣ можетъ вдохнутъ въ себя живую славянскую струю, но къ сожалѣнiю западные сосѣди его, Словаки, находятся сами въ положенiи немного лучшемъ; востокъ же, зеленая Буковина, представляетъ тоже весьма мало утѣшительнаго для русскаго человѣка. И въ этой своей полнѣйшей отчужденности, оберегаемый отъ всякихъ воображаемыхъ враговъ и опасныхъ хрупкому величiю „Мадьярской державы“ вѣянiй зоркимъ окомъ бездушнѣйшей администрацiи, онъ задыхается отъ недостатка свѣта и воздуха, а мiръ или ничего не знаетъ о безнадежномъ состоянiи болящаго или знаетъ много меньше чѣмъ о трансваальскихъ Бурахъ или жителяхъ Огненной земли. Этотъ русскiй народъ—наши родные братья и объ ихъ положенiи въ настоящее время мы хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Современное состоянiе Угорской Руси чрезвычайно печально. Всякiй кто лично ближе познакомится съ ея нынѣшнею жизнiю вынесетъ изъ этого знакомства самыя безотрадныя впечатлѣнiя. „Нашъ угро-русскiй народъ упадаетъ и тѣломъ и душою, онъ погибаетъ и исчезаетъ!“ раздаются со всѣхъ сторонъ Угорской Руси вопли и жалобы; но въ то же время русскiе люди ея безпомощно опускаютъ

руки и фаталистически ожидаютъ этой близкой, по ихъ мнѣнію, кончины. Всѣ объ этомъ близкомъ концѣ твердятъ, всюду вы услышите въ безконечныхъ варіаціяхъ слезныя изліянія на эту печальную тему. Но попробуйте спросить кого-либо изъ этихъ печальниковъ о народѣ: „Да неужели же нѣтъ никакого выхода изъ этого отчаяннаго положенія? Неужели же нѣтъ средствъ помочь гибнущему народу?“ и въ отвѣтъ услышите роковыя слова:

Для нихъ покровъ надгробный ужь простертъ,
Ихъ рокъ: кончина, гибель, смерть!

Какъ будто остается только всему угро-русскому народу облечься въ погребальные саваны, выйти на площади, улицы и перекрестки дорогъ и безмолвно ждать этой избавительницы—смерти. Но дѣло въ томъ что значительное большинство этихъ мнимыхъ радѣтелей обманываютъ васъ какъ сирены своими сладкозвучными рѣчами. Ихъ скорбь звучитъ очень часто фальшиво, въ ней нѣтъ искренней нотки. „Кормчіе народа“ которымъ слѣдовало бы вести свой утлый корабль къ тихой пристани мирнаго развитія и просвѣщенія народа сами укрываются по норамъ какъ кроты, „да у нихъ и нѣтъ“, по выраженію современнаго угро-русскаго поэта, „серіозной воли помочь лихой народа долѣ, у нихъ ужь нѣтъ любви, ни силъ,—родной народъ имъ ужь не милъ... У нихъ—все эгоизмъ!..“ Вотъ одна изъ существеннѣйшихъ причинъ того скорбнаго положенія въ которомъ нынѣ (и издавна уже!) обрѣтается угро-русскій народъ. Присмотримся ближе къ современной угро-русской интелигенціи, духовнымъ вождямъ народа въ его скорбныхъ путяхъ. Эту интелигенцію составляютъ исключительно лица духовныя и народные учителя; люди вышедшіе изъ народа въ чиновники, ушедшіе въ канцеляріи и всякія присутственныя мѣста обыкновенно погибаютъ для народа и быстро перерождаются въ рьяныхъ Мадьяровъ-ренегатовъ. И только священникъ и сельскій учитель стоящіе близко къ народу, ежедневно съ нимъ соприкасающіеся и знающіе близко его нужды, могутъ быть его друзьями и добрыми совѣтниками. Но такъ ли это въ дѣйствительности? Даетъ ли современная мадьярская школа воспитаніе необходимое для выполненія такой высокой задачи?

Школа которую проходятъ эти ближайшіе наставники народа вовсе не подготовляетъ ихъ къ великому дѣлу служенія народу, она служитъ прежде всего цѣлямъ мадьяризаціи и въ этомъ направленіи воспитываетъ всю угро-русскую молодежь; тяжелая же школа жизни убиваетъ всѣ лучшія ея стремленія.

Если высшіе духовные вожди угро-русскаго народа какъ, напримѣръ, епископъ Мукачевскій Юлій Фирцакъ, не считаютъ для себя

позоромъ служить пустѣйшей фантасмогоріи—созданію великой и могущественной Мадьярской державы (Magyarorszag); если изъ ихъ устъ могутъ раздаваться слова обращаемыя къ клиру и паствѣ: „Надѣюсь что въ самое непродолжительное время эти 500 тысячъ Греко-католиковъ станутъ искреннѣйшими Мадьярами"; если они прежде всего заботятся не о просвѣщеніи народа, а о вытравленіи въ немъ всѣхъ оригинальныхъ чертъ и признаковъ русской національности, то что̀ же сказать тогда о подчиненномъ имъ духовенствѣ рабски безмолвствующемъ и смиренно идущемъ по указанію пастырскаго жезла. И вотъ домъ священника въ деревнѣ зачастую является центромъ мадьяризаторской дѣятельности на весь приходъ. Это старый фактъ на который указывалось уже давно и многократно. „Семьи нашихъ священниковъ до того мадьяризованы, говорилъ еще 25 лѣтъ тому назадъ одинъ изъ наблюдателей жизни Угорской Руси, что русскій языкъ совсѣмъ изгнанъ изъ ихъ круга. Особенно женскій полъ семействъ нашихъ священниковъ настолько чуждъ нашей церкви и народности что даже и молитвы свои не совершаетъ на языкѣ своей церкви." Мадьяризація нынѣшняго угро-русскаго духовенства простирается уже такъ далеко что сельская мать-попадья совѣстится говорить съ паномъ-горожаниномъ по-русски считая этотъ языкъ достойнымъ употребленія только въ сношеніяхъ съ крестьянствомъ. Дѣти въ семьяхъ священниковъ если и знаютъ свой родной языкъ, то не дерзаютъ говорить на немъ со старшими, по наружности, не крестьянами. За такой проступокъ ни въ чемъ неповинное дитя можетъ понести потомъ наказаніе въ школѣ. Въ одномъ изъ словенскихъ городковъ мальчикъ-Словакъ отродясь не слыхавшій ни одного слова по-мадьярски нигдѣ кромѣ школы спросилъ въ аптекѣ какое-то лѣкарство за которымъ послали его и былъ наказанъ.

Въ Угорской Руси возможны и такіе факты. При освященіи церкви въ одномъ селѣ священникъ объявилъ послѣ чтенія Евангелія что желающіе слушать русскую проповѣдь должны выйти изъ церкви, такъ какъ въ ней слово Божіе будетъ проповѣдываться по-мадьярски! Мгновенно церковь опустѣла. Русская проповѣдь благоговѣйно выслушана была народомъ подъ открытомъ небомъ, и не осквернили русскіе звуки ушей благородныхъ слушателей оставшихся въ храмѣ! Можно ли говорить тутъ о какой-либо любви къ народу или хоть объ искрѣ живаго сочувствія его нуждамъ, о пониманіи значенія для народа поученій на его родномъ языкѣ? Эти „мадьярскіе священники русскихъ мужиковъ", какъ во многихъ случаяхъ они себя величаютъ, въ многочисленныхъ приходахъ ревностно учатъ народъ пѣть въ русской церкви мадьярскія церковныя и даже нецерковныя пѣсни (напр., гимнъ протестанта поэта Kölcsey!); мадьярскій языкъ они знаютъ въ

совершенствѣ, но со славянскими ектеніями справляются съ трудомъ. Есть между угро-русскими просвѣтителями и такіе глубокіе умы которые громогласно дерзаютъ заявлять въ мадьярской печати что для угро-русскаго народа не надо издавать никакихъ русскихъ книгъ, а слѣдуетъ прежде всего позаботиться о полнѣйшей мадьяризаціи его, и только по достиженіи этой высокой цѣли можно приступить къ просвѣщенію его на единоспасающемъ мадьярскомъ языкѣ. Чтобъ облегчить правительству работу они сами охотно составляютъ проекты мадьяризаціи родныхъ русскихъ селъ. Нерѣдки примѣры что въ воздаяніе за свои патріотическіе подвиги мадьярствующій священникъ, объявляющій о нихъ въ мадьярскихъ листкахъ, требуетъ для себя позорной награды изъ мадьяризаціоннаго фонда въ видѣ какихъ-нибудь жалкихъ 10—15 гульденовъ! Русскіе священники пишутъ передовыя статьи о необходимости въ русскихъ селахъ мадьярскихъ школъ въ мадьярскихъ газетахъ проникнутыхъ духомъ кальвинизма и масонства; они состоятъ членами протестантскихъ мисіонерскихъ обществъ и т. п. „Чрезвычайно смѣшны (и добавимъ, прискорбны!) тѣ разные способы которыми наши трусы стараются укрыть свое русское происхожденіе и желаютъ показаться настоящими Мадьярами", говоритъ человѣкъ близко стоящій къ изображаемой имъ сферѣ. Нѣкоторые русскіе священники чтобы достичь этой цѣли проявляютъ крайнюю небрежность въ совершеніи обрядовъ своей церкви, или съ удивительнымъ пристрастіемъ угождаютъ католикамъ, т. е. вводятъ въ богослуженіе обряды и обычаи латинской церкви, безо всякаго позволенія употребляютъ при богослуженіи мадьярскій языкъ, ставятъ въ церквахъ статуи и другія изображенія западнаго стиля, опускаютъ ектеніи и т. п.

Есть и еще болѣе печальные способы которыми трусы хотятъ утаить свое русское происхожденіе. Но о нихъ мы распространяться не станемъ. „Я спросилъ разъ, говоритъ современный наблюдатель, одного такого труса показывавшаго мнѣ свою библіотеку, нѣтъ ли у него кое-какихъ русскихъ книгъ или иконъ, и онъ отвѣчалъ мнѣ: „Да, есть, но сохраняю я ихъ въ каморкѣ подъ колокольнею; я люблю свое русское но страха ради я спряталъ свои русскія книги подъ ключъ!" Конечно, въ домѣ такихъ русскихъ людей и мадьярскихъ патріотовъ вы не увидите ни одной русской книги, ни одной русской газеты кромѣ офиціальной *Недѣли*, издающейся правительствомъ съ цѣлію уничтоженія невиннѣйшей *Науки* общества св. Василія Великаго; напрасно взоръ вашъ будетъ искать русскую икону и въ домѣ священника! Но за то на столѣ у него вы найдете изящныя изданія Петефи, Арани, Іокая, альбомы въ память „Миленніума" мадьярской державы, Пештской выставки 1896 года и т. п. патріотическія изда-

нія. Въ довершеніе всего вы услышите что дѣти такого мадьярскаго патріота носятъ мадьярскія имена: Арпадъ, Аладаръ, Элемеръ, Аранка и т. п. Дальше въ проявленіяхъ своей „лойяльности“, кажется, и идти трудно. Не удивительно что Мадьяры величаютъ угро-русскихъ священниковъ отличными сынами мадьярскаго отечества, что они видятъ въ нихъ „апостоловъ мадьярской письменности“. На столбцахъ мадьярскихъ газетъ нерѣдко появляются мадьярскія стихотворенія русскихъ воспитанниковъ семинарій, но большинство изъ нихъ не въ силахъ написать по-русски и десять строкъ самаго незамысловатаго содержанія.

Примѣръ священниковъ увлекаетъ и ихъ ближайшихъ помощниковъ въ дѣлѣ мадьяризаціи, народныхъ учителей (пѣвцеучителей) также не отказывающихся отъ милостей начальства въ воздаяніе патріотическихъ заслугъ.

Всѣ единогласно твердятъ объ упадкѣ просвѣщенія въ Угорской Руси, о страшномъ невѣжествѣ народа, объ отсутствіи для него духовной пищи, а между тѣмъ стоило бы только тѣмъ изъ угро-русскихъ просвѣщенныхъ людей которые пожинаютъ скудные лавры на поприщѣ пресловутой мадьярской науки обратиться къ болѣе высокой и почтенной роли просвѣтителей роднаго народа, и какимъ яркимъ свѣтомъ могла бы озариться убогая, дремлющая во мракѣ Угорская Русь!

Единственнымъ источникомъ изъ коего исходитъ для нея свѣтъ является церковь. Народъ прекрасно, хотя и инстинктивно, понимаетъ значеніе религіи въ которой заключается все его просвѣщеніе. Поэтому вся просвѣтительная дѣятельность угро-русскаго народа должна сосредоточиться въ церкви подъ ея знаменемъ, но въ церкви національной и подъ руководствомъ искренно преданныхъ ей сыновъ ея, а не слѣпыхъ орудій политическихъ замысловъ правительства. „Церковь и церковная организація есть главная опора русской народности въ Угорщинѣ“, говорятъ лучшіе сыны русскаго народа; они же единогласно отмѣчаютъ и сильную привязанность народа къ языку богослуженія, къ богослужебной книгѣ и молитвеннику Кириловской печати. „Языкъ церковно-славянскій“, говоритъ просвѣщенный знатокъ жизни угро-русскаго народа, Евменій Сабовъ, „держалъ да и теперь держитъ каждый угро-русскій простой человѣкъ: святымъ возвышеннымъ у предковъ письменнымъ еще... Оттуда-то консервативность угро-русскаго народа который и понынѣ лучше прилѣпляется къ церковнымъ письменамъ нежели къ гражданкѣ; оттуда и его отчужденіе ото всего что̀ имѣетъ въ печати видъ повседневный, надъ содержаніемъ коего ему и размышляти и догадыватися непотребно; оттуда отвращеніе его къ

книгамъ, не писаннымъ по правописанію церковно-славянскаго языка" [1]).

Этою привязанностію народа къ русской церкви, ея обрядамъ, древнему богослужебному языку и кириловской азбукѣ объясняется въ значительной степени тотъ неуспѣхъ съ которымъ встрѣчались до сихъ поръ ревностные поборники введенія въ богослуженіе мадьярскаго языка. Если этотъ вопросъ удалось немногимъ мадьярскимъ шовинистамъ-священникамъ разрѣшить довольно просто въ вармедьяхъ Гайдуцкой, Саболчской и Сатмарской, гдѣ духовенство не спрашивая ни у кого разрѣшенія своею властію стало совершать богослуженіе на мадьярскомъ языкѣ, то не такъ легко осуществляются „патріотическія" затѣи мадьяроновъ въ чисто-русскихъ приходахъ. Едва ли народъ отнесся бы къ такому ихъ посягательству на древнѣйшую святыню его безучастно и безмолвно. Необходимость сохранить эту святыню сознаютъ всѣ истинные сыны Угорской Руси. „Не будь мы чада восточной церкви и не питайся мы млекомъ ея славянскаго, нашему народу понятнаго богослуженія, столь тѣсно связаннаго съ нашею народностью, мы давно уже потонули бы въ латино-мадьярскомъ морѣ", признаются они. Но школа въ которой получаютъ свое образованіе и воспитаніе нынѣшніе просвѣтители угро-русскаго народа ведетъ ихъ, какъ видимъ, въ иномъ направленіи и впитываетъ въ юныя сердца и умы иныя чувства, иныя мысли.

Очевидно, до тѣхъ поръ пока воспитанію и образованію юношества въ духовныхъ семинаріяхъ Пряшевской и Ужгородской (Унгварской), въ гимназіяхъ и препарандіяхъ (учительскихъ семинаріяхъ) не дано будетъ иное направленіе чѣмъ господствующее тамъ нынѣ; пока въ школѣ будущіе душепастыри и просвѣтители народа не проникнутся сознаніемъ величія предстоящихъ имъ трудовъ; пока они не научатся душой любить народъ изъ коего сами вышли,—до тѣхъ поръ невозможно ждать никакого улучшенія ни въ нравственномъ, ни въ матеріально-экономическомъ отношеніяхъ. На ложномъ пути стоитъ все образованіе и воспитаніе угро-русской молодежи, и печальные результаты приносимые угро-русскому народу этою системой очевидны всѣмъ. Конечно, нѣтъ ничего дурнаго въ томъ что вся угро-русская интелигенція знаетъ въ совершенствѣ мадьярскій языкъ, никто и не считаетъ этого какимъ-либо несчастіемъ; но бѣда и несчастіе въ томъ что значительнѣйшее большинство людей прошедшихъ среднюю и высшую школу ничего, или весьма мало, знаютъ по-русски; что

[1]) А галицкіе украйнофилы хотятъ еще навязать и едва прозябающей угро-русской письменности свою бестолковѣйшую „фонетику", съ ея чудовищными крючками, „пикельгаубами" и прочимъ калиграфическимъ орнаментомъ!

многіе Русскіе ни слова не понимаютъ уже изъ того что̀ поется или читается въ церкви; что многіе священники, особенно послѣдняго образованія, не въ состояніи уже произнести своимъ прихожанамъ необходимую проповѣдь на ихъ родномъ языкѣ.

Для образованія духовенства Угорской Руси имѣются въ настоящее время двѣ духовныя семинаріи: въ Ужгородѣ (Ungvár) и Пряшевѣ (Eperies). Вторая основана очень недавно, и учрежденіе ея по общему признанію оказало дурное вліяніе на взаимныя отношенія обѣихъ епархій, Мукачевской и Пряшевской, такъ какъ раздѣлило и отдалило духовенство ихъ до такой степени что оно стало чуждымъ другъ другу. Народные учители получаютъ образованіе въ такъ-называемыхъ „препарандіяхъ", или учительскихъ семинаріяхъ.

Семинарія унгварская ведетъ свое начало съ конца прошлаго столѣтія (1778 г.); до основанія ея священники Мукачевской епархіи получали образованіе въ ближайшихъ латинскихъ семинаріяхъ Ягерской (Erlau) и Трнавской или Вѣнской семинаріи (основанной Маріей-Терезіей) гдѣ учились еще многіе изъ нынѣшнихъ духовныхъ дѣятелей Угорской Руси. Вѣна съ ея многочисленнымъ славянскимъ элементомъ, видными славянскими дѣятелями на поприщѣ просвѣщенія и политики имѣла несомнѣнно благотворное вліяніе на развитіе славянскаго чувства въ учившейся здѣсь угро-русской молодежи. Съ учрежденіемъ въ 1816 году новой Пряшевской епархіи семинарія Унгварская давала образованіе и причту новой епархіи вплоть до 1881 года, когда въ Пряшевѣ была основана вторая въ Угорской Руси духовная семинарія. Въ настоящее время въ Унгварской семинаріи получаетъ образованіе среднимъ числомъ ежегодно 60 человѣкъ.

Семинаріи Унгварская и Пряшевская болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ нашимъ духовнымъ академіямъ, такъ какъ для поступленія туда требуется окончаніе полнаго курса гимназіи. Семинарія Пряшевская содержится на средства государственнаго религіознаго фонда учрежденнаго Іосифомъ II изъ капиталовъ и имуществъ конфискованныхъ у монастырей. На содержаніе каждаго воспитанника изъ этого фонда отпускается 200 гульденовъ (всѣхъ студентовъ-стипендіатовъ 32 человѣка); на средства фонда выстроено небольшое зданіе семинаріи, изъ этихъ же суммъ получаютъ жалованіе професоры ея. Студенты получаютъ въ семинаріи квартиру, столъ и платье (синюю католическую реверенду). Изъ числа студентовъ обѣихъ семинарій двое всегда воспитываются въ Остригомской католической семинаріи (для вящшаго укрѣпленія въ правилахъ православной вѣры!), а 4 состоятъ слушателями теологическаго факультета Пештскаго университета и живутъ въ такъ-называемой православной Центральной католической семинаріи. Преподаваніе въ семинаріяхъ Унгварской и Пряшевской

ведется главнымъ образомъ на латинскомъ языкѣ, при чемъ исключеніе дѣлается только для церковнаго права, которое читается на языкѣ мадьярскомъ, и для пастырскаго богословія читаемаго на языкѣ русскомъ. Кромѣ того, студенты обучаются еще церковно-славянскому языку и церковному пѣнію. Преподаваніемъ церковнославянскаго языка въ Унгварской семинаріи занимается энергичный вицеректоръ о. Юлій Чучка, въ то же время редакторъ *Науки* издаваемой Обществомъ св. Василія. За отсутствіемъ какихъ-либо учебниковъ по церковно-славянскому языку преподаваніе ведется по русскимъ школьнымъ пособіямъ.

Въ Пряшевѣ имѣетъ свой центръ „Общество св. Іоанна Крестителя" Пряшевской епархіи. Основанное въ 1862 году, оно имѣетъ своею цѣлію „вспомогати скудныхъ, но вмѣстѣ честныхъ русскихъ учениковъ гимназіальныхъ" и содержитъ для этого въ Пряшевѣ общежитіе русскихъ воспитанниковъ гимназіи, между коими есть, впрочемъ, и Словаки, и Мадьяры, но всѣ—„русской вѣры"; о русскомъ языкѣ большинство изъ нихъ имѣетъ, однако, весьма смутныя представленія. Всѣхъ учениковъ въ общежитіи около пятидесяти человѣкъ; они получаютъ здѣсь квартиру, столъ, а нѣкоторые — платье. Общежитіе имѣетъ собственный домъ, при немъ небольшой садъ и 25 тысячъ капитала обезпечивающаго дальнѣйшее существованіе этого учрежденія. Ученики въ большинствѣ содержатся здѣсь безплатно и только немногіе доплачиваютъ отъ 2-хъ до 5-ти гульденовъ въ мѣсяцъ. Принимаются въ общежитіе всѣ безъ различія сословій. По окончаніи курса гимназіи одни поступаютъ въ университетъ, другіе въ семинарію или въ спеціальныя высшія учебныя заведенія. Тѣ которые поступаютъ въ семинарію не погибаютъ окончательно для своего народа: они становятся со временемъ священниками и такимъ образомъ возвращаются вновь въ ту народную массу изъ которой сами вышли; не смотря на всѣ усилія школы вполнѣ стереть съ нихъ черты русскаго происхожденія, переродить ихъ въ „настоящихъ Мадьяръ", они волею самой природы по выходѣ изъ школы остаются хоть отчасти Русскими, по крайней мѣрѣ они должны жить съ русскимъ народомъ, говорить съ нимъ на родномъ языкѣ и, какъ бы то ни было, хотя нѣсколько проникаться его интересами и нуждами.

Препарандія, или учительская семинарія, основана въ Пряшевѣ въ 1895 году Іоанномъ Василіемъ, епископомъ пряшевскимъ, для подготовки народныхъ учителей спеціально для Пряшевской епархіи. Въ семинарію принимаются молодые люди кончившіе курсъ четырехъ классовъ гимназіи, не имѣющіе такого свидѣтельства поступаютъ въ приготовительный классъ препарандіи. Въ числѣ предметовъ обученія видное мѣсто отводится церковному пѣнію и церковнославянскому

языку, ибо по выходѣ изъ семинаріи ученики ея становятся сельскими учителями и въ то же время псаломщиками (пѣвцеучителями). По окончаніи курса семинаріи кандидаты поступаютъ на мѣста, сначала на одинъ пробный годъ, и только потомъ получаютъ постоянное мѣсто. Учениковъ въ семинаріи около 40.

Какъ всюду въ Австріи и Венгріи, образованіе дѣвицъ поставлено очень плохо. Дѣвушки обучаются преимущественно у монахинь-католичекъ (какъ и въ Чехіи—по монастырямъ у Нѣмокъ, въ Далмаціи—у Италіянокъ), а между тѣмъ фонда для епархіальнаго училища есть уже 60 тысячъ. Для воспитанія дѣвушекъ-сиротъ, дочерей священниковъ, существуетъ въ Ужгородѣ особый пансіонъ, но и въ немъ всѣ предметы преподаются на мадьярскомъ языкѣ, не исключая и закона Божія. По-русски учатъ только читать и писать.

Таковы просвѣтительныя средства Угорской Руси. Впрочемъ, въ этихъ учрежденіяхъ, какъ мы отмѣтили выше, ничего русскаго нѣтъ, и русскій языкъ не играетъ въ нихъ никакой роли.

Просвѣтительныя задачи имѣетъ и „Общество св. Василія Великаго“, съ центромъ въ Ужгородѣ, возникшее въ 1864 г. по мысли писателя Ал. Духновича и подъ покровительствомъ епископовъ Вас. Поповича и Іос. Галанца. Цѣлію и задачею сего общества, какъ гласитъ § 2 устава его, являются: „сочиненіе, составленіе, именно изданіе, награжденіе и распространеніе книгъ школьныхъ, приспособленныхъ потребамъ школъ Мукачевской и Пряшевской епархій; вообще же составленіе въ языкахъ русскомъ и мадьярскомъ всякихъ такого рода назидательныхъ и полезныхъ книгъ, образовъ и часописей, которыя бы по содержанію и духу своему, съ успѣхомъ произвели духовно-нравственное образованіе восточныхъ соединенныхъ католиковъ.“ Общество это при возникновеніи своемъ сплотило въ своемъ центрѣ всѣ лучшія умственныя силы Угорской Руси. Подъ предсѣдательствомъ А. И. Добрянскаго и при энергичномъ сотрудничествѣ помощника его о. Іоанна Раковскаго оно начало свою полезную дѣятельность. На первомъ общемъ собраніи происходившемъ въ 1865 году оказалось что въ члены Общества записалось болѣе 500 человѣкъ. „День общаго собранія былъ торжественнѣйшимъ изо всѣхъ сходовъ угро-русскихъ“, говоритъ современникъ его. Одушевленіе послужить просвѣщенію народа охватило широкіе круги угро-русскаго образованнаго общества. Всѣ были твердо убѣждены что и темному угро-русскому народу возсіялъ наконецъ свѣтъ. Съ 1867 года общество стало издавать еженедѣльную литературную газету *Свѣтъ*, въ которой сотрудниками явились всѣ выдающіеся угро-русскіе общественные дѣятели этой знаменательной эпохи, какъ Ад. И. Добрянскій, Іоаннъ Раковскій († 1885 г.), іеромонахъ Анатолій Кралицкій

(† 1894), Александръ Гомичковъ, о. А. Павловичъ, Ал. Митракъ, Іоаннъ Сильвай (Урчилъ Метеоръ), У. Дулишковичъ, А. Поповичъ и и мн. др. Въ качествѣ редакторовъ подписывались Кирилъ Сабовъ, Кимакъ и Игнатковъ.

Въ основаніе програмы газеты были положены тѣ начала которыя провозгласилъ Ад. Ив. Добрянскій. Сотрудники ея признали единый русскій литературный языкъ и послѣдовательно старались писать на немъ всѣ свои произведенія. При многочисленности угро-русскихъ говоровъ носящихъ, къ тому же, на себѣ слѣды вліяній то словенскаго, то мадьярскаго, то румынскаго языковъ, при полномъ отсутствіи литературныхъ традицій у угро-руссовъ, избраніе выработаннаго и имѣющаго богатую письменность языка русскаго органомъ новой, нарождавшейся литературной жизни было вполнѣ естественнымъ.

„Наша Угорская Русь", говорилъ о. Іоаннъ Раковскій, одинъ изъ первыхъ дѣятелей въ этомъ направленіи, „никогда ни на минуту не колебалась заявить свое сочувствіе къ литературному единенію съ прочею Русью. У насъ, такъ-сказать, никогда и вопроса не было по части образованія какого-нибудь отдѣльнаго литературнаго языка. Всѣ наши писатели съ самаго начала вступленія на поприще распространенія народнаго просвѣщенія руководились одною мыслію имѣющею цѣлію литературное объединеніе. Сія мысль столь овладѣла нашими писателями что они, можно сказать, были постоянными подвижниками великой идеи о всеславянскомъ литературномъ соединеніи получившей въ настоящее время торжественное освященіе въ славянскомъ мірѣ." Еще въ 1852 году указывалъ духовенству на необходимость изученія и знанія литературнаго русскаго языка офиціальный *Вѣстникъ для Русиновъ Австрійской державы*. „Не о томъ ту (тутъ) рѣчь, говорилось тогда, чтобъ священникъ русскій языкъ народа, сіе простое vehiculum сношенія съ людьми зналъ... Но о томъ видится намъ достоважное сдѣлати воспоминаніе чтобы священникъ русскій образованный былъ русиномъ и языкъ русскій въ литературномъ объемѣ слова зналъ". Отъ вліянія русскаго литературнаго языка не могутъ освободиться и нынѣшніе немногочисленные молодые люди угро-русскіе писатели, хотя оно имъ кажется опаснымъ.

Какъ бы опасаясь обвиненій въ „москвофильствѣ", нынѣшняя *Наука* спѣшитъ оговориться насчетъ языка которымъ пишутся ея статьи: „Мы подкарпатскіе Русины со своимъ милымъ языкомъ не дѣлаемъ и не хочемъ дѣлати *московщину*, токмо то чтобъ единъ другаго поразумѣли и своихъ кровныхъ предковъ не забыли" (1899 г. № 6). Но въ то же время и она не отказывается, какъ видимъ, отъ единенія со своими „кровными предками". Рѣшительнѣе въ этомъ

отношеніи заявленіе *Листка* который говоритъ: „Угро-русскій народъ сознаетъ свое единство съ великимъ русскимъ народомъ и не восхищается перспективой принадлежать къ „Великой Украинѣ" Огоновскаго и consortes, не причисляетъ себя къ „рутено-украинскому народу" (1888, стр. 241). И только блаженныя памяти *Карпатъ* громогласно заявлялъ противное отрекаясь ото всякой связи съ Русью: „Большекратно объявили мы уже что мы не признаемъ какую-то политичную область въ Угорщинѣ съ названіемъ „Русь"; пусть любится *Слову* (галицкой газетѣ стоявшей за единство Руси), какъ ему угодно, но угорскіе дописователи (кореспонденты) таковымъ названіемъ дѣлаютъ намъ весьма неблагодарную услугу, такъ какъ доложеніе слова „Угорская" не въ состояніи отдалити какое-то подозрѣваніе за панславизмомъ находящееся въ названіи „Русь", напоминающемъ на Россію, а то и тѣмъ больше что въ Москвѣ является временопись извѣстнаго панслависта Аксакова подъ титломъ „Русь". А мы не принадлежимъ къ сей „Руси", но считаемся народомъ принадлежащимъ къ коронѣ Святаго Стефана и въ наитѣснѣйшемъ связкѣ къ Угорщинѣ; изъ сей точки зрѣнія и не имѣютъ той амбиціи чтобъ считаться къ тѣмъ дописователямъ которые въ *Словѣ* хотятъ представити „Угорскую Русь" которая на дѣлѣ не существуетъ и въ Угорщинѣ существовати не можетъ!"

Къ сожалѣнію, и самая газета *Свѣтъ*, и всѣ прочія изданія Общества св. Василія Великаго не предназначались для народа болѣе всего нуждавшагося въ просвѣщеніи, ибо литературный русскій языкъ народу не могъ быть доступенъ, такимъ образомъ по странному недоразумѣнію просвѣщеніе прежде всего сѣялось тамъ гдѣ въ немъ меньше чувствовалась настоятельная потребность, и газета и книги Общества св. Василія Великаго издавались только для незначительнаго круга угро-русской интелигенціи.

Въ шестидесятыхъ годахъ существовалъ проектъ учрежденія еще третьяго общества подъ именемъ Общества св. Андрея Первозваннаго которое ставило своею задачей „сохранять въ чистотѣ и цѣлости православную вѣру отцовъ, очищать ее отъ христіанскаго поганства (язычества) и равнодушія", привести народъ русскій просвѣщеніемъ къ достиженію народныхъ правъ его, словомъ—„поднять душевное и тѣлесное благо народа". Но осуществить этой прекрасной програмы не удалось.

Полезной, хотя и не въ надлежащую сторону направленной дѣятельности Общества св. Василія Великаго скоро тоже положенъ былъ конецъ. Враги угро-русскаго народа подозрительно смотрѣвшіе на начинавшееся національное пробужденіе его приняли рѣшительныя мѣры чтобъ остановить это опасное, по ихъ убѣжденію, для

цѣлости великой Мадьярской державы движеніе. Тѣмъ великимъ ожиданіямъ которыми жили лучшіе дѣятели этого времени, тѣмъ „метаморфозамъ“ которыхъ ожидали составители проекта объ учрежденіи Общества св. Андрея тоже не суждено было исполниться. „Опасность словно черная туча надвигалась быстро и вскорѣ разразилась громомъ надъ не проснувшимся еще и крѣпко спеленатымъ младенцемъ.“ Среди собственныхъ сыновъ Руси нашлись „лжепастыри, самозванцы и наемники“ которые не возгнушались пустить въ ходъ всякія гнусныя клеветы на Общество св. Василія, обвинить его въ антипатріотическомъ направленіи, въ приверженности къ панславизму, схизмѣ и всякимъ опаснымъ идеямъ и замысламъ. „Carthaginem esse delendam!“ вопили яростные мадьярскіе патріоты-ренегаты чаявшіе поживиться чѣмъ-нибудь при этомъ разрушеніи. Смерть епископа Мукачевскаго Василія-поповича и послѣдовавшія за нею интриги добивавшихся митры канониковъ Гаджеги, Чопея и ультрамонтанскаго воспитанника пештскаго университета учителя семинаріи Товта раздѣлили Русскихъ на два враждебные лагеря и нанесли большой вредъ народному дѣлу. Съ назначеніемъ же епископомъ на Мукачевскую каѳедру преданнѣйшаго мадьярскаго ставленника Стефана Панковича, Общество св. Василія и его вожди стали подвергаться формальнымъ гоненіямъ до тѣхъ поръ пока оно не оказалось вполнѣ немощнымъ, не впало, по выраженію одного изъ видныхъ членовъ его, подъ этими жестокими ударами въ „летаргическій сонъ“ и не перестало обнаруживать какихъ-либо признаковъ жизни. Къ чести его и руководителей и даровитѣйшихъ членовъ никто не далъ себя сманить щедрыми и заманчивыми посулами Панковича, ни уступить угрозамъ и преслѣдованіямъ. Понятно что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ своей жизни Общество св. Василія не имѣло возможности развить надлежащимъ образомъ свою полезную дѣятельность, не могло дать ей наиболѣе желательное направленіе.

Болѣе тридцати лѣтъ погружено было Общество въ этотъ летаргическій сонъ, и только общее собраніе членовъ его 24 декабря 1896 года въ Унгварѣ снова привело его къ жизни. Но и на этотъ разъ не безъ затрудненій, не безъ коварнаго противодѣйствія. Желая какъ-нибудь разстроить благіе замыслы большинства собравшихся членовъ общества, двое изъ представителей Пряшевской епархіи стали требовать возврата изъ скудныхъ суммъ Общества тысячи гульденовъ Пряшевской епархіи. Къ счастію, ихъ усилія разбить возрождающееся Общество оказались безплодными. „Маленькая горсть людей сошедшихся на общемъ собраніи спасла честь благородныхъ предковъ. Насъ было мало“, говоритъ присутствовавшій въ этомъ собраніи, „но мы были всѣ соединены мыслію что не допустимъ очер-

нять память основателей Общества". Въ этомъ собраніи было постановлено приступить къ изданію газеты для народа, напечатать русскій букварь (*Букварь*, составленный М. Врабелемъ, изданъ въ 1898 г.), катихизисъ и церковную исторію для школъ и христоматію для II и III класса; кромѣ того, рѣшено было приступить къ изданію дешевыхъ книжекъ для народнаго чтенія. Къ изданію газеты приступлено было со второй половины 1897 года, и вотъ уже третій годъ выходитъ она подъ руководствомъ вице-ректора Унгварской семинаріи о. Юлія Чучки, близко знакомаго съ запросами и нуждами народа и идущаго имъ на-встрѣчу. Главнымъ препятствіемъ успѣшному развитію дѣятельности Общества является пока отсутствіе средствъ; газетка, стóящая въ годъ два гульдена, дохода приносить не можетъ, а между тѣмъ опаснымъ для нея конкурентомъ является правительственная *Недѣля*, вытѣсняющая *Науку* своею дешевизною изъ немногочисленныхъ сельскихъ читаленъ и значительно уменьшающая частную подписку. Общество св. Василія Великаго издаетъ, кромѣ того, ежегодно свой „Мѣсяцословъ", но своимъ содержаніемъ онъ пока весьма мало отвѣчаетъ нуждамъ и интересамъ народа [2]).

Въ одномъ изъ засѣданій комитета Общества былъ предложенъ, между прочимъ, проектъ изданія этнографическаго журнала *на мадьярскомъ* языкѣ, для изученія угро-русскаго народа. Но мадьярская наука такъ мало интересуется угро-руссами что едва ли это изданіе встрѣтило бы въ ней какое-либо сочувствіе, а тогда невольно является вопросъ: для кого же изданіе предназначается? кто въ Европѣ читаетъ по-мадьярски? По поводу нынѣшнихъ изданій Общества св. Василія невольно напрашивается на перо еще одно замѣчаніе. Если и нынѣшніе руководители Общества и его изданій остаются при завѣтахъ первыхъ его основателей и своихъ учителей относительно единаго русскаго литературнаго языка, то имъ во всякомъ случаѣ необходимо перестать писать на той довольно странной смѣси которою они пользуются теперь. Болѣе усердное знакомство съ русскою литературой, болѣе тщательное изученіе русской граматики скоро вывело бы ихъ изъ этого словенско-нѣмецко-мадьярско-русскаго лабиринта. Находятъ же они возможнымъ пользоваться при

---

[2]) Первый угро-русскій мѣсяцесловъ, составленный А. Духновичемъ, появился въ 1850 году въ Пряшевѣ, напечатанъ же онъ былъ въ Перемышлѣ. Потомъ покойный Духновичъ издалъ еще 3 или 4 мѣсяцеслова, затѣмъ изданіе ихъ прекратилось, ибо они стали выписываться изъ Галиціи. Въ 1863 г. Александръ Голичковъ издалъ русскій мѣсяцесловъ на 1864 г. въ Унгварѣ, въ 1865 мѣсяцесловъ не появился, но въ 1866 г. издали его А. Кралицкій и В. Кимакъ. Съ учрежденіемъ въ 1866 г. Общества св. Василія постановлено издавать мѣсяцесловъ ежегодно.

изученіи церковно-славянскаго языка нашими школьными пособіями, не чужда наша богословская литература професорамъ семинаріи; почему бы имъ не допустить въ свои библіотеки и русскихъ писателей на-ряду съ Петефи, Арани и Іокаемъ? Они навѣрно мирно уживутся на одной полкѣ!

Впрочемъ, удивляться незнанію русскаго языка современною угро-русскою молодежью особенно нечего. Гдѣ же ей научиться ему? Если програма унгварской, напримѣръ, гимназіи отводитъ мѣсто русскому языку, то только какъ предмету необязательному, при чемъ отмѣтки по русскому языку не имѣютъ никакого значенія. Ограниченія въ употребленіи русскаго языка становятся все болѣе стѣснительными. Съ 1890 года вслѣдствіе министерскаго распоряженія, въ унгварской гимназіи и законъ Божій сталъ преподаваться русскому юношеству на мадьярскомъ языкѣ; на мадьярскомъ же языкѣ должны произноситься съ этого времени и проповѣди для учащейся молодежи. Какъ относится сама учащаяся молодежь къ русскому языку, лучше всего свидѣтельствуютъ цифры. Въ 188⁸/₉ учебномъ году въ унгварской гимназіи числилось 160 учениковъ греко-католиковъ, но изъ нихъ только 107 обучались русскому языку. Въ 1889/90 учебномъ году греко-католиковъ считалось 165 человѣкъ, изъ нихъ только 126 человѣкъ обучались русскому языку. Въ настоящее время эта цифра еще менѣе утѣшительна. Это отношеніе юношества къ родному языку нисколько не покажется удивительнымъ, если мы вспомнимъ при этомъ нѣкоторые факты изъ недалекаго прошлаго. Мадьярскіе шовинисты, учителя Унгварской гимназіи позволяли себѣ одно время такого рода выходки и издѣвательства надъ языкомъ, народностію и религіозными чувствами своихъ русскихъ учениковъ что вызвали цѣлое разслѣдованіе этого безпримѣрнаго въ школьныхъ лѣтописяхъ скандала, при чемъ товарищи ихъ одной народности и одного обряда свидѣтельствовали противъ нихъ — до того возмутителенъ былъ этотъ фактъ. Конечно, учитель ссылающій своего ученика въ Москву (какое ужасное слово!) или въ Сибирь, издѣвающійся надъ его языкомъ и народностію, поносящій его давно ставшими въ Угріи бранными словами „муска“ (Русскій), „панславъ“ и т. п. эпитетами, не можетъ внушить ему ничего инаго кромѣ презрѣнія къ своему языку и народу, считаться сыномъ коего столь великій позоръ!

Въ этомъ отношеніи немногіе представители старшаго поколѣнія отличаются большею твердостію національнаго самосознанія; они въ несравненно большей степени владѣютъ и русскимъ литературнымъ языкомъ. Мы привели выше ихъ взгляды на русскій литературный языкъ. Подобныя заявленія особенно смущаютъ украйнофиловъ-ради-

каловъ и они никакъ не могутъ примириться съ ними. Особенно огорчаютъ ихъ неуспѣхи среди угорско-русской интелигенціи ихъ украйнофильской пропаганды не находящей себѣ здѣсь сторонниковъ. Вотъ что писалъ по этому вопросу одинъ изъ представителей этого старшаго поколѣнія молодому украйнофилу-радикалу:

„Мы, бѣдные угро-Русскіе, радуемся что наши галицкіе братья по крови и вѣрѣ занимаются нами и еще поддерживаютъ въ насъ русскій духъ. Но на ту дѣятельность которую развиваетъ ваша такъназванная украинофильская партія, мы угро-Русскіе смотримъ не совсѣмъ симпатично. Предполагаю что вы не будете за то гнѣватися, если тутъ выскажу вамъ откровенно то общее мнѣніе которое мы угро-Русскіе имѣемъ о вашей партіи. Такъ, во-первыхъ: ваша партія слишкомъ радикальна, ибо подрываетъ привязанность русскаго народа къ церкви и духовенству; этимъ радикализмомъ вы на нашей Руси ничего не успѣете, потому что нашъ народъ видитъ въ своей церкви единственную свою народную опору и въ каждомъ противникѣ церкви видитъ и противника своей народности и боится его и тогда если онъ приближается къ нему и въ русскомъ одѣяніи. Во-вторыхъ: ваша партія ослабляетъ Русскій народъ и тѣмъ что возбуждаетъ его къ эмиграціи за океанъ, гдѣ русскіе люди массами умираютъ отъ голода или отъ несноснаго климата. Въ-третьихъ: ваша партія употребляетъ и развиваетъ такій русскій языкъ котораго ни украинскіе, ни галицкіе, ни угорскіе Русскіе не употребляютъ и трудно понимаютъ; кромѣ того, употребляется у васъ ороографія неестественная, научной эѳимологіи и лингвистикѣ противная. Если бы вы писали соотвѣтно правиламъ эѳимологіи и тысячелѣтнему преданію, тогда бы и Галичане, и наши Русаки лучше поняли васъ. Ваше нарѣчіе и фонетика намъ трудны и чужды... Наконецъ: ваша партія заявила недавно во всеуслышаніе что она отвергаетъ всякую солидарность съ прочими Русскими которыхъ называетъ москалефилами. Изъ этого слѣдуетъ что вы всѣхъ насъ, не принимающихъ вашего радикализма и вашей ороографіи, считаете якобы врагами государства и что вы стоите въ солидарности съ Поляками и даже подъ покровительствомъ Поляковъ которые внушаютъ вамъ всѣ эти исчисленныя стремленія".

За то галицкіе украинофилы не прощаютъ угорскимъ Русскимъ ихъ „москвофильства".

По мнѣнію Драгоманова, „угро-русскій націонализмъ" долженъ былъ принять „москвофильскія" формы собственно потому что онъ былъ „чистымъ націонализмомъ", безъ соціальной примѣси. Такого рода націонализмъ влечетъ всегда къ державѣ, а не къ народу, и такъ какъ „украинско-русской" державы нѣтъ, а „московско-петербургская" есть, то естественно что націоналисты угро-русскіе мыслями своими потянулись въ этой державѣ. Вдобавокъ на пользу „москвофильства" послужили еще два факта: 1) карьера нѣсколькихъ „карпатороссовъ" въ Россіи (Балугьянскій, Орлай, Венелинъ и др.) и 2) еще въ большей степени—русская окупація Угорщины въ 1849

году. Тогда, продолжаетъ Драгомановъ, — впервые за цѣлое тысячелѣтіе передъ очами угроруса гордый повелитель Мадьяринъ склонился передъ силою которая называлась русскою, и склонился даже послѣ того какъ оказался безсильнымъ противъ него самъ великій „Кісар" (т. е. императоръ австрійскій). Народныя пѣсни про „Кошутську війну" перешедшія изъ Угріи и за Карпаты, распѣваемыя и въ Галичинѣ и въ Буковинѣ свидѣтельствуютъ что „москвофільство" привилось не только къ священникамъ Угорской Руси, но что оно стало народнымъ.

Ушов, ішов та пан Кисар з міста Кромерижу,
Бо він мае на серденьку велику огризу,
Та не тий (тому) огризу мае, що не мае істи,
Але тий огризу мае, що не мат де сісти.
А він мае істи, пити, не приймае трунок;
Бо він пише до Москаля: „ставай на ратунок!"
. . . .
Ти Москалю, славний цару, стань ми до помочи!
А я тобі стати стану, та і піти піду:
Не ма мині Венгра бити, та мни до обіду
Та як зішлю на долину кінноту, піхоту,
То від рана до обіду зроблю з них болото.

„Народныя пѣсни за рубли не складываются!" заключаетъ Драгомановъ свои сѣтованія. Но тогда къ чему же вся іереміада? Развѣ эти пѣсни не лучшее свидѣтельство насколько глубоко въ народѣ инстинктивное сознаніе своего племеннаго единства съ великою и могучею Русью, развѣ онѣ не говорятъ о безплодности потугъ радикаловъ-украйнофиловъ пересадить свои „идеи" по ту сторону Карпатовъ и привить ихъ угро-русской интелигенціи? И за „батькомъ" повторяютъ тѣ же скорбныя причитанія его ученики и послѣдователи. Руссофильство, или москвофильство, пустило въ Угорской Руси свои корни не случайно, какъ твердятъ они, оно вытекаетъ изъ самой природы угро-русскаго народа и если не пробивается наружу сильными потоками, если оно дремлетъ въ глубинѣ души народной, то причинъ этого состоянія его такъ много и онѣ для всякаго маломальски знакомаго съ исторіей многострадальной Угорской Руси до такой степени очевидны что ихъ не долженъ былъ проглядѣть и Драгомановъ съ сотоварищами. Онъ самъ признается далѣе что никто вообще и не подумалъ прежде познакомить угро-Руссовъ съ украинскимъ движеніемъ и литературой, тогда какъ про „россійскую" имъ говорятъ и Нѣмцы, и Мадьяры которые переводятъ Пушкина, Тургенева и пр. Потому, поучаетъ Драгомановъ, кто хочетъ сѣять среди угро-русской интелигенціи „народовство", тотъ долженъ приступить къ ней „з готоваго боку", со стороны „москвофильской", стараясь распространять среди нея „россійскія книги", но только живыя, де-

мократическо-прогресивнаго направленія, а на ряду съ ними уже распространять подобныя же книги „украинскія" и „галицкія". Самъ Драгомановъ занимался этою пропагандой въ Угорской Руси. „І можу сказати, що рибка починала вже клювати навітъ після недовгої праці", заключалъ онъ на основаніи писемъ къ нему отъ молодежи и старшихъ угро-Руссовъ; но дѣлу повредила „неловкость" одного изъ „молодыхъ пріятелей" Драгоманова подрѣзавшая въ корнѣ всѣ начинанія. Онъ готовилъ также „пропагандную книжку": „Читанку (христоматію) для угро-русина", въ которую, по его плану, должны были войти: статистика всей Руси, Великой, Малой и Бѣлой, и образцы народныхъ говоровъ всѣхъ частей; далѣе должны были слѣдовать былины (Илья Муромецъ), думы (напр., Маруся Богуславка) съ краткими къ нимъ поясненіями; затѣмъ, нѣкоторыя стихотворенія Пушкина, Лермонтова, Шевченка, Некрасова, отрывки изъ повѣстей Марка Вовчка, Федьковича, Ивана Франка, избранныя народныя пѣсни и сказки украинскія, галицкія, угро-русскія, тоже съ примѣчаніями.

Въ числѣ средствъ украинофильской пропаганды Драгомановъ придавалъ серіозное значеніе хоровымъ концертамъ галицко-русскихъ пѣвческихъ обществъ по разнымъ городамъ Угорской Руси. И какъ бы въ отвѣтъ на его призывы и наставленія пѣвческое общество „Боянъ" совершаетъ такую поѣздку по болѣе важнымъ городамъ Угорской Руси. Впрочемъ, Драгомановъ едва ли возлагалъ какія-либо надежды на успѣхъ своей пропаганды среди болѣе просвѣщенной части угро-русскаго общества. При ближайшемъ знакомствѣ неизбѣжно надо было придти къ убѣжденію что для соціально-экономическихъ вопросовъ ни галицкіе, ни украинскіе демократы не найдутъ здѣсь воспріимчивой почвы. Думается намъ что не съ того конца слѣдовало бы приняться за реформу.

„Еслибъ угро-русская интелигенція въ самомъ дѣлѣ оказалась людьми „пропащими", то все-таки остается, утѣшаетъ себя Драгомановъ, 400—500 тысячъ русскихъ „хлѣбородовъ" (крестьянъ-земледѣльцевъ), которые не скоро еще омадьярятся, и просвѣщеніе коихъ не можетъ совершаться иначе какъ на ихъ родномъ языкѣ и при помощи своихъ людей." Съ этого просвѣщенія темныхъ, забитыхъ и загнанныхъ, бѣднѣющихъ со дня на день „хлѣбородовъ" и должна бы начаться патріотическая дѣятельность угро-русской интелигенціи, это ея настоящая миссія; при разумномъ направленіи ея, при искреннемъ желаніи принести народу пользу, быть-можетъ, и не пришлось бы ждать помощи отъ „демократовъ галицкихъ", не понадобилось бы и послѣднимъ выдерживать борьбу „съ Мадьярами, панами и полиціей", чего опасается Драгомановъ.

Къ сожалѣнію, до осуществленія этой задачи весьма далеко.

Мадьярское правительство сдѣлаетъ все для скорѣйшей мадьяризаціи русскаго населенія, но рѣшительно ничего не предприметъ для его просвѣщенія и, этимъ самымъ, извлеченія изъ той тьмы невѣжества въ коей онъ обрѣтается нынѣ. Кое-какъ помогаютъ этому горю сами русскіе люди; но эта помощь весьма незначительна.

Въ послѣднее время среди сельскаго населенія Угорской Руси начинаютъ возникать всякаго рода общества и братства, то на экономической, то на чисто религіозной основѣ. Народъ самъ инстинктивно чувствуетъ потребность въ такой организаціи которая защитила бы его отъ эксплоатаціи экономической и дала бы силы противостоять быстро распространяющейся нравственной порчѣ. Дать надлежащее направленіе этому благопріятному теченію, умѣло воспользоваться имъ,—вотъ одна изъ благодарныхъ задачъ для сельскаго духовенства Угорской Руси. Но и этимъ начинаніямъ воздвигается на пути множество препятствій.

Въ окружномъ посланіи отъ 2 марта н. ст. 1899 г. епископъ Мукачевскій Юлій Фирцакъ призываетъ подвѣдомственное ему духовенство къ учрежденію въ своихъ приходахъ полезныхъ для народа обществъ. Къ сожалѣнію, эти общества подъ видомъ заботъ о народномъ благѣ занимаются религіозною пропагандой среди русскаго населенія и не только никакой пользы народу приносить не могутъ, но даже положительно вредны для него.

Въ Мукачевской епархіи дѣйствуютъ въ настоящее время слѣдующія общества: Общество Св. Престола, Общество Живаго Розанца, Общество трезвости и нѣкоторыя другія. О цѣляхъ и характерѣ дѣятельности перваго изъ поименованныхъ обществъ достаточно говоритъ то обстоятельство что центромъ его управленія является Будапештъ. Нѣтъ пророка изъ Галилеи! Не можетъ ничего безкорыстнаго выйти отъ „англійскихъ сестеръ“ для православнаго русскаго народа. Общество ставитъ своею задачей, между прочимъ, украшеніе бѣдныхъ католическихъ и греко-католическихъ (уніатскихъ) церквей. Вотъ, несомнѣнно, одна изъ причинъ того факта что въ русскую церковь въ послѣднее время все больше проникаютъ обряды и обычаи католическіе.

Второе общество имѣетъ цѣлію распространеніе благочестія подъ покровительствомъ Пр. Дѣвы Маріи. Уже самое названіе его—Общество Живаго Розанца—ясно говоритъ объ его римско-католическомъ происхожденіи, и неудивительно что распространеніе его встрѣтило протестъ болѣе дальновидныхъ сыновъ Руси. „Дуже многи между нами, признавалась *Наука* (1899, № 8), противилися распространенію „ружанца“ и такъ говорили: „Намъ не треба „ружанца“, ибо наша восточная святая мати Церковь глубоко почитаетъ Божію Матерь

во всѣхъ своихъ богослуженіяхъ, имѣетъ особый акаѳистъ или параклисъ къ Пресв. Дѣвѣ Маріи, на что же намъ „ружанецъ" изъ латинскаго обряда который никакъ не соотвѣтствуетъ нашему восточному обряду". Какъ ни стараются отцы духовные послѣдней формаціи оправдать необходимость этого общества, это имъ не удается. О. Александръ Микита поторопился даже составить на русскомъ и мадьярскомъ языкахъ „Молитвенникъ для членовъ живаго Розанца", очевидно, разчитывая на успѣхъ этого новаго вида латинско-мадьярской пропаганды. Но народъ, какъ видно, относится къ этому обществу съ недовѣріемъ и опасеніями за свою старую „русскую вѣру" отцовъ и дѣдовъ, отлично понимая куда клонятся усилія новыхъ благодѣтелей. „Не треба намъ боятися что тамъ, гдѣ мѣшанно живутъ наши вѣрники восточнаго обряда съ вѣрниками латинскаго обряда, посредствомъ „ружанца" перейдутъ наши вѣрники на латинскій обрядъ", успокаиваетъ народъ та же *Наука*. Но опасенія эти имѣютъ свое глубокое основаніе: всѣ члены „ружанца" въ дѣлахъ касающихся общества подчинены монахамъ доминиканцамъ и ихъ генералу. Цѣль такого руководства и попечительства вполнѣ ясна. Органу Общества св. Василія Великаго изъ уваженія къ завѣтамъ его основателей и первыхъ дѣятелей не слѣдовало бы, думается намъ, и брать на себя этой неблагодарной роли защитника навязываемыхъ народу спасительныхъ средствъ отъ коихъ онъ самъ инстинктивно отворачивается своею русскою душой.

Третьяго рода общества заведены пока только въ очень немногихъ селахъ, а между тѣмъ общества трезвости могли бы сослужить народу самую полезную службу, еслибъ дѣло поведено было умѣлыми руками, еслибы къ прямой задачѣ его — спасти народъ отъ „паленки" и жидовской экономической кабалы — не примѣшался опять „иной умыселъ". Пока общества трезвости не имѣютъ своего нормальнаго устава. Каждую пятницу по вечерамъ члены общества собираются въ церковь и читаютъ „Параклисъ" въ честь Пресв. Богородицы; они даютъ обѣтъ въ теченіе рождественскаго и Великаго поста воздерживаться отъ „паленки". Въ заботахъ о развитіи дѣятельности этихъ обществъ епископъ Мукачевскій Фирцакъ поручилъ выработать общій уставъ обществъ трезвости и „хочетъ, какъ сообщаетъ *Наука*, для прекраснаго богослуженія „Параклиса" выпросить отъ святѣйшаго римскаго отца и отпусты", которыхъ православная церковь не знаетъ.

Насколько трудно бороться этого рода обществамъ со злѣйшимъ бичемъ угро-русскаго народа—пьянствомъ, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. Одинъ священникъ, желая удержать своихъ прихожанъ отъ пьянства, послѣ богослуженія взялъ съ нихъ клятвенное обѣ-

щаніе не пить въ теченіе трехъ лѣтъ „паленки". Жиды, арендаторы кабаковъ, подали на энергичнаго священника жалобу министру финансовъ отказываясь вносить при такихъ обстоятельствахъ высокую арендную плату. Министръ финансовъ на основаніи этой жалобы обратился къ министру исповѣданій съ запросомъ, дозволено ли священникамъ подъ присягою заставлять паству свою воздерживаться отъ употребленія „паленки"?

На ряду съ обществами трезвости серіозную помощь могли бы оказать народу общества похоронныхъ кассъ съ успѣхомъ дѣйствующія въ нѣкоторыхъ городахъ, общества дешеваго кредита, народныя читальни и т. п. учрежденія прививающіяся, однако, чрезвычайно медленно.

Большую пользу дѣлу просвѣщенія народа могли бы принести угро-русскіе монастыри, но ихъ немного, всѣ они бѣдствуютъ, еще меньше въ нихъ просвѣщеннаго и способнаго къ такой дѣятельности монашества, а въ довершеніи всего—они до такой степени стѣснены въ проявленіи какой бы то ни было дѣятельности что существованіе ихъ для угро-русскаго народа слѣдуетъ признать совершенно безполезнымъ. Главнѣйшіе изъ нихъ: монастыри св. Николаевскій Мукачевскій (на Чернецкой горѣ) и Марія-Повчанскій. Въ первомъ изъ нихъ долгое время жилъ и настоятельствовалъ игуменъ Анатолій Кралицкій, усердный труженикъ на поприщѣ просвѣщенія угро-русскаго народа и ревностный изслѣдователь судебъ его (ум. 30 января 1894 года). Остальные монастыри разсѣяны по различнымъ комитатамъ, и объ ихъ прозябаніи рѣдко услышите слово въ печати.

Улучшеніе экономическаго положенія угро-русскаго народа должно составлять одну изъ существеннѣйшихъ заботъ мадьярскаго правительства, если только оно способно отрѣшиться хотя на время отъ пропаганды мадьяризаціи и отнестись къ полумиліону экономически разореннаго и обнищавшаго народа съ чувствомъ хоть маленькой крупицы справедливости и участія.

Для характеристики современнаго экономическаго состоянія Угорской Руси вообще чрезвычайно интересный матеріалъ даетъ статья професора черновецкаго университета Р. Ф. Кайндля, извѣстнаго своими трудами по изученію Буковины, напечатанная, подъ заглавіемъ: „Aus dem ungarischen Marmarosch", въ литературномъ приложеніи къ мюнхенской *Allgemeine Zeitung* (1898 г., № 50). Професоръ Кайндль совершилъ путешествіе по области верхней Тисы и ея притоковъ, особенно Висса и Рѣки, имѣя главнымъ образомъ въ виду изслѣдованіе быта живущихъ здѣсь угро-Руссовъ и сравненіе добытыхъ здѣсь результатовъ съ данными касающимися Буковины и ея жителей. Наблюденія проф. Кайндля настолько интересны

что мы считаемъ необходимымъ остановиться на главнѣйшихъ частяхъ его повѣствованія. „То что я видѣлъ было настолько грустно, или вѣрнѣе сказать—ужасно, что нѣкоторые изъ читателей, пожалуй, съ недовѣріемъ покачаютъ головой", предупреждаетъ проф. Кайндль.

Какъ буковинецъ я и раньше часто слышалъ о бѣдности жителей верхняго Мармароша и о ихъ безпомощности. Во время моихъ этнографическихъ поѣздокъ въ Карпатахъ Буковины и Галичины я неоднократно обращалъ вниманіе на то что сюда приходитъ множество рабочихъ изъ Угорщины чтобы вдали отъ роднаго села найти скудный заработокъ въ рубкѣ лѣса и сплавѣ его. Ясно было что экономическія условія на ихъ родинѣ были тяжелыя. Своимъ внѣшнимъ видомъ эти люди рѣзко отличались отъ крѣпкихъ въ большинствѣ гуцуловъ, какъ называютъ русское населеніе Карпатъ отъ истоковъ Золотой Быстрицы въ Буковинѣ до долины рѣки того же имени въ Галичинѣ. Но то что я видѣлъ и слышалъ въ русскихъ селахъ было насмѣшкою даже надъ моими скромными ожиданіями... Уже во время моего путешествія внизъ по теченію Висса мнѣ бросалось въ глаза многое такое чего вообще въ цивилизованныхъ странахъ не встрѣчаемъ. Въ области гуцуловъ я видѣлъ, правда, дѣтей бѣгающихъ безо всякой одежды, но русскихъ рабочихъ на шосейныхъ дорогахъ, въ однихъ полотняныхъ штанахъ, съ совершенно обнаженною верхнею частію тѣла, можно встрѣтить только въ Угорщинѣ!

Жители вообще поразили безпристрастнаго и непредубѣжденнаго ученаго наблюдателя своимъ жалкимъ внѣшнимъ видомъ, своими убогими рубищами и лохмотьями. У всѣхъ этихъ людей въ очахъ видно было горе и страданіе. Впалыя щеки и болѣзненно блѣдныя лица служили неопровержимымъ доказательствомъ что эти люди голодали даже во время жатвы, когда не голодаетъ и крестьянинъ Галичины пріобрѣвшей печальную извѣстность своимъ экономическимъ состояніемъ. Убогій внѣшній видъ крестьянъ свидѣтельствовалъ о печальномъ вообще состояніи населенія Марамароша. Нищета виднѣлась въ каждомъ углу: въ бѣдныхъ хатахъ полное отсутствіе малѣйшихъ признаковъ зажиточности; въ хлѣвахъ—пустота, скота крестьянамъ держать невозможно за отсутствіемъ пастбищъ принадлежащихъ лишь панамъ да Жидамъ. За право пасти на ихъ пастбищѣ одну корову крестьянинъ долженъ платить имъ въ лѣто 10—13 гульд. и работать, кромѣ того, два дня безвозмездно; за овцу платятъ отъ 1 гульд. 20 кр. до 2-хъ гульденовъ, за свинью 2—3 гульдена въ лѣто. И не только сѣнокосы и пастбища находятся въ рукахъ немногихъ капиталистовъ съ желѣзною твердостію эксплоатирующихъ бѣдное населеніе,—имъ принадлежатъ и поля. Обыкновенно крестьянинъ обработываетъ поле помѣщика, засѣваетъ его и получаетъ за это половину сбора; если же крестьянинъ, что часто случается, не имѣетъ

хлѣба для посѣва и принужденъ взять его у помѣщика, то получаетъ только одну треть всего урожая. Крестьяне не имѣютъ также лѣса, ибо всѣ почти лѣса принадлежатъ или правительству, или опять-таки немногимъ богачамъ. Послѣдніе неумолимо эксплоатируютъ и въ этомъ случаѣ бѣдняка-крестьянина. Лѣсной рабочій получаетъ въ день 60—70 кр.; подрядчикъ по вырубкѣ лѣса обыкновенно является поставщикомъ для своихъ рабочихъ провіанта и платья; рабочій обязанъ покупать только у него, при чемъ всѣ предметы первой необходимости продаются по цѣнѣ въ полтора и даже въ два раза выше дѣйствительной ихъ стоимости. Ростовщичество среди крестьянъ свило себѣ постоянныя гнѣзда. Доходы ростовщиковъ достигаютъ до 30, 40 и 50%! За взятые на годъ 10 гульд. сплошь и рядомъ отдаютъ ростовщику 15 гульд. И бѣдный народъ въ этомъ отношеніи остается совершенно беззащитнымъ.

На крайне печальное матеріальное положеніе угро-русскаго народа обратила, наконецъ, вниманіе въ послѣднее время и мадьярская печать. Нашлось нѣсколько безпристрастныхъ людей имѣвшихъ отвагу указать на эту экономическую язву, открытую ими „случайно“, какъ будто Угорская Русь представляетъ одинъ изъ темнѣйшихъ угловъ Африки! Мадьярскіе публицисты во время открытія „миленарнаго“ памятника въ Бескидахъ, въ память тысячелѣтія Угорской державы, какъ будто впервые услышали о русскомъ населеніи этихъ горъ, обитающемъ въ нихъ едвали не раньше прихода самихъ Мадьяръ въ ихъ нынѣшнее отечество. Убогія русскія деревни, обнищавшее ихъ населеніе, забитое и загнанное, словно затравленные сворой гончихъ зайцы, добродушное и трудолюбивое, неоднократно проливавшее съ Мадьярами и за Мадьяръ славянскую кровь, поразили мадьярскихъ дѣятелей собравшихся на великій „культурный“ праздникъ. Печать заговорила о печальномъ экономическомъ положеніи населенія въ столицахъ Бережской и Марамарошской, стала указывать правительству на необходимость заняться улучшеніемъ его доли и предлагать различныя мѣропріятія для выхода изъ этого положенія.

То что̀ сдѣлано было правительствомъ до сихъ поръ не можетъ, однако, приниматься серіозно во вниманіе: такими паліативными мѣрами глубоко въѣвшаяся въ разслабленный организмъ язва не можетъ быть исцѣлена вполнѣ.

Правительство рѣшило взять въ аренду земли у крупныхъ землевладѣльцевъ и сдавать ихъ отъ себя крестьянамъ; оно раздало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьянамъ скотъ лучшихъ породъ, назначило особыхъ комисаровъ для наблюденія за исполненіемъ этихъ мѣропріятій, но все это едва ли выведетъ народъ изъ того безотраднаго положенія въ которомъ онъ находится уже десятки лѣтъ. Корень

зла лежитъ глубже, и вырвать его не такъ легко при нынѣшнемъ направленіи мадьярской внутренней политики. Эпоха политическаго ничтожества, подкупности, эпоха служебнаго карьеризма, торгашества политикой, произвола крупныхъ дѣльцовъ беззастѣнчиво торгующихъ совѣстію и законами,—какъ характеризуютъ нынѣшній режимъ болѣе отважные мадьярскіе публицисты,—не можетъ принести ничего утѣшительнаго для „немадьярскихъ народностей“ Угріи. Давно уже для всякаго наблюдателя внутренней жизни Угорской державы стало понятнымъ отношеніе ся вождей къ этимъ „немадьярскимъ народностямъ“. Всякое средство направленное къ искорененію въ Угорщинѣ русскаго населенія считается хорошимъ. Этого іезуитскаго девиза послѣдовательно держится мадьярское правительство. И не только русское, но и вообще славянское населеніе Угріи, особенно Словаки, систематически подвергаются экономическому разоренію во имя идеи созданія великаго „Мадьяророрсага“, съ единымъ мадьярскимъ народомъ. Приведеніемъ славянскаго населенія въ положеніе земельнаго и бездомнаго пролетаріата мадьярское правительство пріобрѣтаетъ весьма мягкій и легко поддающійся экспериментамъ мадьяризаціи матеріалъ. Непривязанный къ землѣ и бездомный пролетаріатъ покидаетъ родную землю, отправляется искать заработка на заводы и фабрики, въ крупные промышленные и торговые центры, открываетъ пришельцу путь къ своимъ старымъ гнѣздамъ, а самъ, погружаясь постепенно въ мадьярскія волны, безслѣдно, безъ свидѣтелей и безъ звука протеста погибаетъ въ нихъ. Темныя массы угро-русскаго населенія сѣверной Угорщины безропотно несутъ это тяжелое ярмо, а правительство намѣренно держитъ его во тьмѣ невѣжества или одурманиваетъ его въ чуждой русскому народу мадьярской школѣ. Объ искренности стремленій Мадьяръ помочь бѣдственному положенію угро-русскаго народа могутъ свидѣтельствовать и такіе маленькіе факты. Въ одной изъ мадьярскихъ газетъ священникъ Юрій Жатковичъ, основательный ученый и мадьярскій писатель котораго никто, по-видимому, не заподозрѣвалъ въ отсутствіи надлежащаго мадьярскаго патріотизма высказалъ мысль о необходимости издавать для русскаго народа спеціальный журналъ земледѣлія, скотоводства и садоводства на народномъ языкѣ, по дешевой цѣнѣ и печатью гражданскою или Кириловскою. Патріотическія мадьярскія газеты вмигъ завопили что нѣтъ никакой надобности въ изданіи новаго *русскаго* журнала, что издавать его надо *по-мадьярски!*

Всѣ приносимыя въ жертву угро-русскому народу „гекатомбы“, раздача племеннаго скота, казенная аренда земли оказавшаяся еще болѣе тягостною для крестьянъ чѣмъ прежняя, открытіе безполез-

ныхъ для народа школъ плетенія корзинъ, кои онъ издавна прекрасно плететъ и безъ школъ, воскресныя поученія и лекціи по виноградарству, изданія ученыхъ книжекъ которыхъ народъ не умѣетъ читать и т. п. мѣры ни къ чему не приведутъ до тѣхъ поръ пока мадьяризація будетъ составлять единственную задачу правительства, пока безпомощный въ своемъ невѣжествѣ народъ не получитъ надлежащаго просвѣщенія, пока онъ не будетъ защищаемъ самимъ же правительствомъ отъ ужаснѣйшей эксплоатаціи его еврействомъ всецѣло захватившимъ власть въ свои руки. До тѣхъ поръ, дѣйствительно, не поможетъ ему ни „панская аренда", ни „панскіе телята."

Однимъ изъ величайшихъ золъ многострадальной Угорской Руси является, между прочимъ, и непомѣрно развитое пьянство. Это печальное явленіе согласно подтверждается всѣми кто хоть нѣсколько знакомъ съ этою страной. „Для нашего крестьянина, говоритъ *Листокъ*, единственнымъ развлеченіемъ является корчма, куда онъ непремѣнно заходитъ каждый праздникъ, каждую свободную минуту. Корчма—это его наибольшая отрада, но и наибольшее несчастіе." Безо всякаго преувеличенія можно сказать что „паленка", послѣ индѣйцевъ Сѣв. Америки, нигдѣ не погубила такого множества народа какъ среди угро-Руссовъ. А между тѣмъ борьба съ пьянствомъ крайне трудна, и нѣтъ никакихъ силъ у духовенства бороться съ шинкарями. Мы уже выше отмѣтили одинъ изъ фактовъ относящихся къ этой борьбѣ и свидѣтельствующихъ о взглядахъ правительства на нее. Самъ народъ рѣзко осуждаетъ эту привязанность свою къ кабаку, но въ то же время наивно сознается въ своемъ безсиліи оторваться отъ него:

И я не пій, и ты не пій,
А кто буде пити?
А кто буде на жидовськи сироты робити?

поетъ онъ, горько оплакивая свою недолю. И вотъ отъ этой горькой доли народъ толпами бѣжитъ изъ родной страны за океанъ, въ Америку. Въ Земплинской столицѣ, какъ свидѣтельствуетъ *Листокъ*, есть не только села, но и цѣлые округа, гдѣ вы не встрѣтите взрослыхъ мущинъ, и по улицамъ бродятъ лишь однѣ бабы да ребятишки. Словно весь народъ способный къ труду здѣсь вымеръ! Народъ, спасаясь отъ нищеты и гибели, массами сталъ покидать родныя мѣста, а мадьярская печать подняла тревогу что выселеніе создается искусственно, агитаціей „панславовъ" и „москвофиловъ"!

Мадьяры, какъ извѣстно, не считаютъ Славянъ даже людьми (tót nemember); отъ нихъ они, по рѣшительному заявленію своихъ ученыхъ (В. Салай), не ожидаютъ и развитія „на пути культуры и нравственности"; Русскаго вообще они привыкли считать глупцомъ

(buta orosa); а между тѣмъ этотъ „бездарный“, „гибнущій“ народъ надъ которымъ проливаютъ столько крокодиловыхъ слезъ угро-русскіе псевдо-патріоты живетъ въ новомъ отечествѣ въ довольствѣ и достаткѣ, накопляетъ тамъ капиталы, зачастую отсылаетъ ихъ въ старое отечество оставленнымъ семьямъ и на уплату податей! Многіе изъ угро-Руссовъ стали въ Америкѣ богатыми людьми и обзавелись своими магазинами и конторами. Въ настоящее время они вмѣстѣ съ выселенцами изъ Галичины имѣютъ свои отлично организованныя общества, издаютъ *Американскій Русскій Вѣстникъ* (1899, VIII-ой годъ), имѣютъ свыше пятидесяти своихъ (уніатскихъ) церквей и тридцать шесть священниковъ (изъ епархіи Мукачевской—19, изъ Пряшевской—7, изъ Галичины—8, чина Св. Василія Великаго въ Угорщинѣ—2). Съ родиной своей они въ большинствѣ случаевъ не теряютъ связи и зачастую, сдѣлавши въ Америкѣ болѣе значительныя сбереженія, возвращаются домой чтобъ опять подъ мадьярскимъ скипетромъ вкусить благъ „мадьярской культуры“ до новаго бѣгства. Сами Мадьяры смотрятъ на возвращающихся изъ Америки угро-Руссовъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ и подозрительностію ибо въ своей маніи преслѣдованія „гидрой панславизма“ опасаются что они вздумаютъ заниматься на родинѣ пропагандой православія быстро распространяющагося въ Америкѣ среди уніатовъ, эмигрантовъ изъ Галичины и Угорской Руси, и идей панславизма!

То что̀ сорокъ лѣтъ тому назадъ сказано было русскимъ ученымъ путешественникомъ объ экономическомъ положеніи Словаковъ въ Угорщинѣ, всецѣло можетъ быть повторено еще и въ настоящее время по отношенію къ Словакамъ, и въ отношеніи къ угро-русскому народу. Та отчужденность Словаковъ на своей родной землѣ которая такъ сильно поразила русскаго наблюдателя невольно бросается въ глаза и среди ближайшихъ сосѣдей Словаковъ, угро-Руссовъ:

Такъ и думается, говоритъ русскій путешественникъ, что они только призваны другими господами, что живутъ какъ наемники, имѣютъ кусочекъ землицы изъ милости своихъ пановъ; потеряна даже и тѣнь той самостоятельности съ которою обыкновенно представляется туземный народъ, съ незапамятныхъ временъ усѣвшійся на своей землѣ ставшей его неотъемлемою собственностію, его родовымъ достояніемъ. Глядя на Словаковъ, я почему-то постоянно припоминалъ басню Крылова: „Кротъ и ежъ“, въ которой изображается доброта крота сжалившагося надъ ежомъ и пустившаго его къ себѣ въ свою прекрасную нору; ежу понравилась нора, не хотѣлось разставаться больше съ нею, и онъ началъ колоть своими иглами простодушнаго и трудолюбиваго крота, такъ что послѣдній вынужденъ былъ покинуть собственное свое владѣніе.

Такими въ полномъ смыслѣ слова ежами и въ Угорской Руси являются Евреи, особенно въ послѣдніе годы непрерывною вереницею вползающіе изъ разоренной уже въ корень Галичины въ земли Словаковъ и угро-Руссовъ. И какъ Словаки закабаленные еврействомъ казались нашему соотечественнику индійскими паріями, которымъ судьба опредѣлила только тяжелыя и часто грязныя работы, съ непремѣннымъ при этомъ условіи оставаться безвыходно при этихъ работахъ и обращать всѣ плоды кровавыхъ трудовъ своихъ на пользу еврейства и иныхъ народовъ привыкающихъ (если уже не привыкшихъ) смотрѣть на такое неестественное положеніе какъ на самое законное, необходимое, и спокойно вознаграждающихъ своихъ кормителей, обогатителей, если не положительнымъ презрѣніемъ, то рѣзкою холодностію и грубою невнимательностію; такъ точно и угорскіе Русскіе въ настоящее время стоятъ въ положеніи этихъ паріевъ. „Простодушный, безхитростный, кроткій Славянинъ-земледѣлецъ живетъ мирнымъ воздѣлываніемъ земли своихъ скудныхъ полей; онъ до того прикованъ къ нимъ, до того съ ними сросся что нерѣдко, если не большею частію, въ теченіе цѣлой своей жизни не заходитъ далѣе ихъ. Интересы его, такимъ образомъ, самые несложные, однообразные, общественныя столкновенія ограничиваются ближайшими сосѣдями, цѣли и интересы которыхъ тѣ же самые, точно такъ же сосредоточены на полѣ. Тутъ изворотливости нѣтъ мѣста, практической ловкости и хитрости пробраться неоткуда, и Славянинъ-земледѣлецъ привыкаетъ мыслить о другихъ точно такъ же какъ мыслитъ онъ о себѣ и о своихъ ближайшихъ. Отсюда та прямота въ его рѣчахъ, та задушевность въ пріемахъ, та готовность дѣлиться своимъ достаткомъ съ постороннимъ, какая приводила и приводитъ въ удивленіе житейски практическаго чужестранца и самого Славянина, воспитаннаго въ иной, городской атмосферѣ, при другихъ, комерческо-чиновничьихъ условіяхъ.

Что же значитъ пустить въ среду такого народа космополитическую массу думающую единственно о пріобрѣтеніи богатства, смотрящую и по религіи, и по происхожденію, и по отсутствію родной земли на туземцевъ какъ на средство къ своему обогащенію, ничѣмъ съ ними не связанную, кромѣ корыстныхъ интересовъ? Не значитъ ли это: отдать простой, патріархальный народъ на рабство бездомныхъ торгашей, корчемниковъ и банкировъ? Тамъ, гдѣ туземный народъ развитъ общественною жизнію, гдѣ дѣятельность его практическо-житейская давно вышла изъ исключительныхъ предѣловъ поля, гдѣ треніе съ чужеземцами при разнообразныхъ оборотахъ успѣло уже пропустить и знаніе, и опытность, тамъ можетъ быть и равноправность еврейская не въ силахъ вредить много настоящимъ хозяе-

вамъ земли своей. Но возможно ли то же сказать о поселянахъ славянскихъ? И грустные, убійственно раздражительные примѣры всевозможныхъ, одного другаго преступнѣйшихъ, золъ могутъ служить очевиднымъ доказательствомъ того какъ бѣдственна полная равноправность еврейства среди поселянъ славянскихъ. Было бы излишне приводить частные случаи: они такъ часты, такъ притомъ рѣзко ярки и съ обыкновеннымъ характеромъ еврейскаго господства, что стóитъ только вспомнить о положеніи малороссовъ въ XVI—XVII столѣтіяхъ подъ польскимъ правительствомъ чтобы не затрудниться представленіемъ положенія и несчастной Угорской Руси. „Сколько изъ убогихъ сыновъ ея и Словенска разорились въ конецъ, сколько должны были въ силу чисто-обманческой изворотливости Жида-корчемника продать свою землю, правильнѣе же—отдать, потому что простодушный Словакъ или Русскій часто и самъ не понимаетъ какъ это случилось что долгъ его у Жида превышаетъ уже цѣнность его небольшаго поля: будучи по природѣ честенъ самъ, онъ и не воображалъ о возможности безчестій со стороны другихъ. Быть-можетъ и хотѣлъ бы онъ иной разъ миновать Еврея, по слову Св. Писанія: „Отойди отъ зла и сотвори благо“, да нельзя, безъ Жидовъ стало труднымъ что-нибудь дѣлать,—и купить, и продать, даже просто проѣхать по шосе!“

Мадьярскому правительству до всего этого нѣтъ рѣшительно никакого дѣла: оно занято болѣе высокими задачами политики внутренней и даже мечтаетъ о роли въ политическихъ судьбахъ Европы и всего міра. Разчитывать на его помощь Угорской Руси положительно невозможно.

Всякій народъ, говоритъ русскій *Паноніянинъ* въ *Вѣстникѣ для Русинъ Австрійской державы* (1852, стр. 155), дотолѣ почитается уважаемымъ, пока владѣетъ силою духа надъ благосостояніемъ собственнымъ и общимъ; якъ скоро тратитъ якій народъ сей духъ, нерадѣя о себѣ, или нарушая права законныя народовъ иныхъ, тотъ въ первомъ случаѣ утоптаемымъ бываетъ отъ иныхъ, во второмъ же—разрушаетъ самъ подвалины своего благосостоянія; откуда, имѣя въ виду честь, славу и благоденствіе народа нашего, потщимся открыти дѣятельность силъ находящихся въ немъ и предуказавши *что Русинъ не есть гнилое тѣло въ державѣ*, якъ многіе свыкли клеветати противъ насъ, объявимъ *что онъ есть живый и рѣзкій и понимаетъ задачу свою и той же соотвѣтствовати старается.*

Доказать истину этихъ словъ—вотъ задача для нынѣшнихъ вождей и просвѣтителей угро-Русскаго народа.

Путникъ.